

12.05.2012, 04:14 Москва

свой опыт

Говножуй, нищebroд и работающая сотрудница полиции

В автозаках побывали лидеры медиа-истеблишмента, и теперь задержания стали новой городской забавой — бессмысленной, но безопасной. Для обычных людей дело обстоит иначе. Журналист Дженни Курпен, задержанная 6 мая на Тверской, рассказала ОВД-Инфо об избиениях в ее автозаке и сотруднице органов в штатском, которая оскорбляла и провоцировала задержанных, вела видеосъемку и угрожала журналистке уголовным делом за нанесение ножевых ранений ОМОНовцам на Болотной площади.

6 мая 2012 г. на Тверской улице в Москве сотрудники полиции пресекали «незаконную массовую публичную

акцию». «Незаконная акция» представляла собой небольшие разрозненные компании стоявшие по трое-пятеро, ни лозунгов, ни речей, ни транспарантов ни у кого не было, люди стояли у перехода так же как и в любой другой обычный день. Но этот день стал необычным...

«Представители» «власти» вдруг стали налетать на мирно стоящих и беседующих между собой людей, жестко и агрессивно отталкивали и оттесняли от Госдумы немногочисленных собравшихся с помощью высоких металлических сегментов-заграждений с выбитыми надписями «УВД ЦАО». «Законные действия сотрудников полиции» почему-то больше всего походили на провокации против мирных горожан: полицейские спешно сбились в бесформенную неорганизованную стаю и неуверенно и нелепо побежали на людей, держа заграждения перед собой.

Ситуация развивалась стремительно, первое задержание произошло около половины восьмого вечера в районе д. 4 по Тверской. Сначала сотрудниками полиции был незаконно задержан и избит Аркадий Бабченко. Я приблизилась к месту событий и стала снимать задержания на видео. Вскоре Бабченко втащили в автозак и еще через 5–10 минут произошла новая серия задержаний, таких же необоснованных.

Внезапно я почувствовала, как кто-то сильно потащил меня назад за одежду, я отмахнулась не глядя и продолжила съемку. Затем меня кто-то крепко взял за предплечье и стал разворачивать и оттаскивать от автозака. Оглянувшись, я увидела, что это сотрудник полиции, но продолжила снимать. Через 2–3 секунды меня с двух сторон схватили сотрудники ОМОНа и втащили в автозак, который я снимала.

АВТОЗАК

Внутри в клетке уже находились Бабченко, Дмитрий Смирнов и еще несколько незнакомых мне задержанных. В предбаннике находились Надежда Низовкина, Татьяна Стецура и еще один незнакомый мне задержанный. Двое сотрудников держали Низовкину со Стецурой за шею, заломив их руки за спину и блокируя возможность двигаться. Кроме трех задержанных и двух ОМОНовцев, в помещении перед клеткой находилась одна сотрудница полиции в форме и еще одна в штатском. Сотрудница в штатском снимала нас и все происходящее на профессиональную видеокамеру.

Перед тем как автозак тронулся сотрудники, удерживавшие Стецуру, начали бить ее головой о поручень у двери, я стала снимать. Сотрудница с камерой стала кричать, что я не имею права на съемку внутри автозака и требовала выключить камеру. Я отказалась, сказав, что я имею полное право фиксировать любые незаконные действия полиции и сообщать о них как представитель СМИ и что мои профессиональные задачи именно это и предполагают. Далее сотрудница попыталась вырвать у меня камеру из рук, но ничего не получилось. Тогда она просто схватила объектив моей камеры и сломала его.

В полуметровом пространстве перед клеткой возникла потасовка. Один из находившихся там полицейских ее пресек, мы расселись по местам. Автозак тронулся. Мы ехали около часа и до последних минут было неизвестно, куда нас доставят. На протяжении всего времени, что мы ехали до ОВД, сотрудница с камерой хамила задержанным, провоцировала агрессивные высказывания и действия и затем снимала это все на камеру. Так, она говорила запертому Аркадию Бабченко, что «ты нищеброд и алкаш, которого вып.ли с работы за пьянку и поэтому обозлился и поперся х.ней заниматься», другому задержанному — «тебе бабы не дают вот и страдаешь х.ней», Стецуре и Низовкиной говорила, что «девушки просто пообниматься захотели

с молодыми людьми, вот и пошли нарываться», говорила, что «вы тут все жида и поэтому работать не хотите, и за вас мы вынуждены работать», «книжки читаете вместо того чтобы работать». Позже вероятно кто-то из коллег позвонил ей и дама произнесла демонстративную речь о том, как ей «все это остоло», что «скорее бы закончился рабочий день» и что «ходят тут эти говножуи и права какие-то качают, вместо того чтобы работать». Важно заметить, что антураж сотрудницы в полной мере соответствовал жизненным принципам, речи и общей ее дикости: желтеющая крашенная блондинка лет 30–35 с похабным макияжем, в леопардовом мини-платье, сетчатых чулках и туфлях на каблуках, такая рыночная торговка, мотивированная классовой ненавистью.

Когда я спокойно сообщила ей, что по факту угроз, оскорблений и нанесения мне материального ущерба (сломанная камера) будет подано заявление в прокуратуру, у нее резко сменился тон с безразлично-хамского на истерический. Она занервничала и стала на меня орать. Стала угрожать мне уголовным делом, сказала, что в отделе к нашему прибытию уже будет лежать готовое заявление о том, что я ее обокрала или что я участвовала в «массовых беспорядках на Болотной площади и нанесла ножевые ранения сотруднику ОМОН».

В ОВД

Затем мы добрались до ОВД «Войковское» и там просидели в автозаке еще полтора часа до того как нас завели в помещение ОВД. Сначала меня вывели и хотели отпустить, звонили куда-то и консультировались, как правильно со мной поступить. Пресскарты я с собой не брала, в связи с чем оформилась по 19.3 КоАП («Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции») — как все. Низовкину и Стецуру выволокли

за шею из автобуса и швырнули через проходную на ступеньки отдела.

Со мной в отделе общались уважительно и осторожно, несколько раз спрашивали, есть ли у меня претензии к сотрудникам отдела. Оформляли очень долго, но водили курить и в туалет по первому требованию. После того, как мне были выданы копии протоколов и рапортов, мне внезапно сообщили, что меня сейчас поведут на беседу с сотрудником ФСБ. Следачка отдела повела меня по темному лабиринту лестниц и коридоров, на дверях я заметила две таблички: «Уголовный розыск» и «Криминальная полиция». Мы зашли в кабинет, где сильно пахло коньяком и сидел за столом некий анонимный сотрудник ФСБ — человек лет 30–33, в штатском, без каких-либо признаков принадлежности к правоохранительным органам. Я спросила в рамках какого процессуального действия мы здесь находимся, поскольку мое оформление уже закончилось и мне сказали, что я свободна. Я попросила сотрудника представиться, показать документ, удостоверяющий его личность и должность и наделяющий его полномочиями меня допрашивать. Сотрудник не представился, документ не показал, объяснив отказ тем, что «не обязан». Далее прозвучала фраза, обращенная ко мне: «Ты хочешь отсюда выйти сегодня? Тогда пиши и подписывай заявление. Образец за тобой на стене».

Образец был такого содержания: «Я, ФИО такое-то, г.р., зарегистрированный по такому-то адресу, отказываюсь от дактилоскопирования, отказываюсь сообщать какие-либо данные о себе и не даю согласия себя фотографировать». Я спросила, какой смысл в этом заявлении, если в нем сообщены все данные обо мне, дактилоскопироваться мне никто не предлагал, поэтому я не имела возможности ни согласиться, ни отказаться, а скан страницы моего паспорта с фотографией у них и так

уже есть. Вместо ответа сотрудник повторил: «Хочешь выйти отсюда?». Я написала и отдала заяву.

Сотрудник сделал фотографию моего паспорта на мыльницу, отдал мне паспорт и я ушла. Затем меня повели по параллельному коридору к следующему сотруднику ФСБ на беседу. Мы вошли в просторный кабинет, где за столом сидел некий сотрудник постарше, чем предыдущий, тоже в штатском. Мне задали вопросы: «Откуда узнали об акции 6 мая?», «Почему оказались на Болотной?» (я не была на Болотной), «Где и при каких обстоятельствах познакомились с теми, кого задержали вместе с вами?», «Чем занимаетесь?».

На все вопросы, кроме второго, я лишь усмехнулась. Около 23.40 мне сообщили, что я свободна и я ушла. Так закончилось мое 6-е мая.

Ещё почитать

12.03.2026 Москва

В Москве пришли с обыском к журналисткам и активистам по делу корреспондентов SOTA